

Торжество большевистского плана

Цифры выполнения,
втыкаются в клинья!
Цифры повышений.
выстраивайтесь, стройны!

В. Маяковский

С законным чувством великой гордости за свою страну встретили советские люди опубликованное сообщение Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР об итогах выполнения плана третьего реального года пятилетки. Это — цифры, которые вдохновляют. Они говорят о торжестве большевистского плана, о триумфе великой коммунистической партии, ведущей наш народ под развернутым знаменем Ленина—Сталина к сияющим вершинам коммунизма.

Первая послевоенная сталинская пятилетка поставила перед народом задачи: в кратчайший срок залечить тяжелые раны, нанесенные врагом советской стране, восстановить ловечный уровень развития народного хозяйства и затем значительно превзойти этот уровень, повысить материальное благосостояние народа и еще более укрепить могущество советского государства. Каждая цифра сообщения Центрального Статистического Управления — свидетельство нового подъема нашей страны.

В третьем решавшем году пятилетки достигнут и превзойден довоенный уровень развития национального хозяйства СССР. Проведенные в конце 1947 года денежная реформа и отмена карточной системы снабжения населения создали новые благоприятные предпосылки для ускорения дальнейшего подъема нашего народного хозяйства.

Советский народ не только перевыполнил план 1948 года по валовой продукции всей промышленности, но и реализовал с превышением задания первых трех лет пятилетки. В народном хозяйстве успешно осваивались новые высокопроизводительные машины. На 27 процентов выросла валовая продукция промышленности по сравнению с 1947 годом, и на 18 процентов превысила она уровень довоенного 1940 года.

Пять лет назад еще лежала в руинах разрушенная гитлеровцами металлургия и угольная промышленность Юга. А сейчас плывут чугун и сталя десятки домен и мартенов Донбасса и Приднепровья, идет нескончаемый поток из запорожской стальной лист, уверенно поднимается Донбасс, достигая не только бывшего величия, но и оставляя позади довоенную технику и производительность. Более 20 миллиардов рублей вложил советский народ в капитальные работы в районах, подвергшихся оккупации.

На 41 процент увеличилась в 1948 году валовая продукция промышленности этих районов по сравнению с предыдущим годом. В итогах прошедшего года мы явственно ощущаем огромную долю продукции предприятий, входящих в строй, — 4.000 заводов, фабрик, шахт и рудников, в числе которых поднятыми трудом народа из развалин и сооруженные заново по директивам пятилетнего плана.

Для сельского хозяйства советской страны настало незабываемое останется минувший год. Валовой урожай зерновых культур в целом по СССР составил свыше 7 миллиардов пудов; средняя урожайность зерновых культур с одного гектара превысила довоенный уровень.

За цифрами сообщений Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР и Статистического Управления РСФСР мы видим героический труд шахтеров Торевков и Пашкевича, строителей Румянцева и Максименко, колхозников Якусенко и Заозерной, тысяч и тысяч передовых людей индустрии, сельского хозяйства, транспорта, своим трудом доказавших, какого торжества может добиться большевистский народ людей ясной цели, крепкого характера.

Алексей Максимович Горький писал на заре первой пятилетки: «Только накопление индустриального богатства в масштабах государства может удовлетворить полностью все потребности синтетичности». И мы видим в сообщении Центрального Статистического Управления, как связаны завоевания людей металургии с победами легкой промышленности, достижениями машиностроения с успехами пищевиков, выполнение заданий по подъему тяжелой промышленности с ростом материально-культурного уровня народа. Превышен довоенный уровень производительности труда в промышленности, увеличился фонд заработной платы. В цифрах нашего жилищного строительства, в росте количества учащихся, увеличены числа санаториев и домов отдыха отражен наш советский образ жизни.

В лагере капитализма на протяжении последних лет много толкуют о плановом начале. Однако все толки о плане остаются там пустой болтовней! Барюс в своей книге «Сталин» писал: «План экономического плана есть идея исключительно советская — не только по праву первенства, сколько по причинам органическим». В капиталистических странах частная инициатива и частные привилегии, многообразие и противоречие интересов делают единий общий план невозможным.. Иначе обстоит дело в социалистическом государстве, ведущему великую войну и учительством. И. В. Сталин. История показала правоту этих слов.

Только советский строй, опиравшийся на обобществленную материальную базу, может разрабатывать огромные народно-хозяйственные планы, может оперативно выполнять их. «Чтобы руководить в плановом порядке, надо иметь другую, социалистическую, а не капиталистическую систему промышленности», — говорил еще свыше двадцати лет назад великий вождь и учитель народа И. В. Сталин. История показала правоту этих слов.

Достижения третьего решавшего года пятилетки не заслоняют от нас огромных новых задач: выполнять в 1949 году планы по всем отраслям, по всем показателям; добиваться еще более кругового подъема промышленности в транспорте; улучшать качество продукции, снижать ее себестоимость; запасевать новые скрости, использовать полную мощность оборудования. Нужно пешком осуществлять дальнейшую программу повышения материально-культурного уровня жизни народа. И мы добьемся всего этого!

Третий решавший год пятилетки приближалась нас к коммунизму! Воздушевленный великой исторической перспективой, обогнанный энтузиазмом большевистской партии, под руководством любимого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина советский народ теперь, когда на весь мир звучат победные цифры наших достижений, снова и снова провозглашает слова лучшего и талантливейшего поэта нашей эпохи:

Расчерчивайся
на душе у пашев,
расчерчивайся
на грудище города,
горя
на всем
трудящемся мире,
лозунг
«Пятилетка —
в 4 года!»
В четыре!
В четыре!
В четыре!

С новосельем!

На протяжении 1948 года в селах Российской Федерации каждые пять минут вырастал новый просторный, светлый дом. Только в 22 областях, подвергшихся оккупации, в минувшем году построено 124.700 домов. В эти дома вселилось около 500 тысяч колхозников. 1948 год стал годом, завершившим восстановление домов, разрушенной войной.

Благодаря огромной помощи государства колхозники Смоленской, Белорусской, Псковской и других областей смогли в столь короткий срок ликвидировать все земляники. С 1943 по 1948 год колхозы, колхозники, демобилизованные воинами, инвалиды Отечественной войны и семьям погибших было выдано 1 миллиард 409,5 миллиона рублей ссуды на строительство. 1400 грузовиков, обениненных районные автоколонны, беспрерывно подвозили колхозам стройматериалы.

За 1946, 1947 и 1948 гг. сельские строители перевыполнили пятилетний план, соорудив в селах, разрушенных войной, 407 тысяч жилых домов. Кроме того, в колхозах этих районов возведено 189 тысяч хозяйственных построек в свыше 21 тысяч культурно-бытовых зданий.

Огромное внимание уделено также благоустройству колхозных деревень: высанены миллионы декоративных в поздовских деревьев, поставлены тысячи километров заборов и палисадников, разбиты сотни спортивных площадок и стадионов, тысячи скверов.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 8 (2495)

Среда, 26 января 1949 г.

Цена 40 к.

Партия коммунистов — вдохновитель и руководитель белорусской советской литературы

Великая Октябрьская социалистическая революция, впервые в истории белорусского народа открыла ему возможность свободного государственного, экономического и культурного развития, положила начало новой эре в жизни белорусского народа.

Разоблачая великороджаных щекинистов, отрицающих существование белорусской нации и белорусской национальной культуры, товарищи Сталин в своем заключительном слове на Х съезде партии говорили: «...Я имею записку о том, что Белоруссия будто бы приобрела права на остаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользовавшись хуторской жизнью, восхваляя тем самым свою языком, отличный от русского, язык чистой культуры белорусского народа. Тогда же я имею записку о том, что Белоруссия должна оставаться «селянской», аграрной страной, воюющей чудовищные поклоны на индустриализацию, на все лады воспользов

Поэзия победных цифр

Несколько времени назад я познакомился в Риге с главным инженером завода «Саркандаугава» Павлом Чередицеником. Шагелеватый, быстрый в движениях, он стремительен всеми по цехам. Стеклодавы, работавшие у гигантских машин «Фурко», приветствовали его.

Побудила работу, исполненную плавной уверенности и лишенную какой бы то ни было поспешности, видеть за нею доказательства, что на этом заводе стекло производится во много раз быстрее, чем из какого бы то ни было другого завода мира.

Изобретенная в начале нашего века машина «Фурко» никогда не давала скорости вытягивания стеклянной ленты больше 50 метров в час. Мастер Горьковского завода Карасев довел эту скорость до 70 метров. Это считалось большим достижением. Тридцатисынцкий инженер-коммунист, помимо стеклодава Павел Чередиценик опроверг этот предел. Всего этого своего коллектива он достиг скорости вытягивания стекла в 100, 120 и даже 146 метров в час. В синке лауреатов Стальников премий инженер Чередиценик стоит рядом с рабочими Карасевым. Страна в равной мере оценила почин инженеров и творческую продолжательство.

Знатный фуррист Семен Карасев, посыпав завод «Саркандаугава», был восхищен:

— Я больше не могу держаться прежних темпов, — заявил он, — коли здесь такие дела делаются. Слышишь, как шумят моторы? Видите, какой блестящий продукт они дают? Пусть Америка чешет затылок: ту мы ее обогнали!

Все это мне вспомнилось, когда я прочел сообщение об итогах выполнения плана третьего решающего года пятилетки.

В сухой лаконичности сообщения звучит поэзия коммунизма! И хочется называть это сообщение так, как в годы войны мы называли сводки Информбюро: победная! Всего деяльных цифрах склонялся стремительно растущее богатство нашей Родины. И не только кипы хлопка, но также пистолеты с нефтью, не только горы руды встали перед глазами писателя за этими цифрами.

Люди!

«Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план» (Сталин).

И так же, как за строкой «стекло оконное» перед нами возвился образ Павла Чередиценика, так за строкой «автомобили» возник образ стеклодава автомобилиста имени Сталина в Москве Ильи Васильевы.

«При задании в это пятьдесят масляных фильтров, — сказала она, подводя итоги минувшего года, — я сделала пятьсот пятьдесят. Но вскоре мой рекорд перекрыла другая стеклодавщица. Она сделала пятьсот семьдесят фильтров. Могла ли я уложиться на том, что меня обогнали? Никак не могла. На второй же день я сделала шестьсот двадцать фильтров».

В этих простых словах молодой работница — глубокое понимание нашего советского образа жизни. Большевистские темы стали общеподанными делом!

В 1948 году резы и сверла входили в металлы с неизвестной скоростью. Токари обтачивали детали со скоростью во много сот метров в минуту. Увеличилась против довоенного спорта эксплуатационного бурения нефтяных скважин, улучшилось использование мощности цементных заводов — об этом мы узнали из сообщения об итогах года.

Не одна только новая техника и более совершенная организация труда породили это великолепное движение наших дней. Уверенная стремительность революционного действия, неудержимые темпы социалистического преобразования страны — неизменная черта большевистского стиля. На пятнадцать процентов выросла производительность труда работы в промышленности по сравнению с предыдущим годом — добавленный уровень превышен!

Читая в сообщении строку «уголь», вспоминаешь, как прогремели в минувшем году славные шахтерские имена: Александра Тюрюкова, забойщика шахты имени Калинина, Егора Горелова, крепильщика шахты «2-2-бис», Иосифа Дячкина, забойщика шахты № 5 Горловской, Ефима Духанина,

Виктор УРИН

В ЭТИХ ЦИФРАХ —

ДЫХАНИЕ СИЛЫ И СЛАВЫ

Дни за дни выделяются беспокойны и звонки, и мечта наша светлая не за горой, если строятся цифры, ровняя колонки, как бойны-победители праздничный строй.

В этих цифрах дыхание силы и славы, торжество побеждающих ваших идей, и могучая поступь Рабочей Державы, и партийной воли советских людей.

Эти цифры, стальные трехзначные звенья, прозваны, как поэмы, о славных делах; лишь у нас, у дерзющего поколения, есть такой грандиозный счастливый размах!

И чем яростней заокеанская злоба, тем массивней и строже, как будто ответ, прозвучат эти цифры — высокая пробы на сверкающем золоте наших побед.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Люди нашего времени

Чтая соображение Центрального Статистического Управления о выполнении плана третьего года пятилетки и думают:

сколько повестей, еще не написанных, заключено в стройных рядах чисел, которые я не решился бы назвать сухими?

Среди них могла бы быть повесть о на-

чальнике цеха. С этого времени комбинат не знает, что такое невыполнение плана.

Это — бегло набросанная схема. Перед будущим читателем она предстает насыщенной подробностями, образами людей, она будет полна и поэтическое. События в жизни и были исполнены поэтической, не внешней, не показной поэзии.

Изложенный Розов, назначенный в «Северниколь», отправляется в путь, чтобы после войны восстанавливать производство. В поезде он узнает о новой конструкции шинопровода, смонтированного на Южном Урале. Он не знает, что его собеседник — автор этой конструкции. Розов, инженер, обладающий чувством нового, сразу заинтересовался новой идеей. Он производит дальнейшие расчеты и еще более убеждается в правоте Кузнецова. И тут же изменяет проект! Новая заявка встречает бурный протест у проектировщиков. Но новатор у нас никогда не остается в одиночестве. Розов побеждает консерваторов из прошлой организации так же, как побеждал Кузнецовых консерваторов «Южуралникеля». Эту победу мы чувствуем и сегодня в цифрах выполнения плана третьего решающего года пятилетки.

Поздравляю вас с новым годом, товарищи, да, да, я не говорю, — сказал начальник цеха. — Я поздравляю вас с новым годом в октябре потому, что сегодня мы выполнили годовую программу и с 1 января начинаем работать в счет будущего, 1949 года. На два месяца мы опередили время! Это хорошо, но чтобы выполнить пятилетку в четыре года, нужно в году экономить три месяца. Вот это и прием как задание на следующий год!

Такими абзацами следовало бы начать и закончить повесть. Ее можно назвать «Победители времени». Ее героям могут быть листопрокатчики моего родного Енакиевского металлургического завода в Донбассе. Автор этой повести рассказал бы нам, как в пустое здание цеха привезли небольшую горячечную группу людей, как постепенно увеличивалась она за счет вернувшихся из армии и эвакуации, за счет выпускников ремесленных училищ, как выросла эта горячечка в большой боевой коллектив. Автор показал бы нам, как начальник цеха инженер Ревенко — бывший фабрикант — нашел путь к сердцу молодых рабочих и пусты прокатный стан, имея одного опытного вальцовщика и восемь учеников в смене.

Руководители завода всемерно вдохновляли, организовывали, вели вперед восстановителей. И люди, восстанавливавшие завод, не ничего не делали на своих. Труд этого коллектива, продукция этого завода вошли в победный рапорт ЦСУ нашей страны, нашему народу.

И еще одна новость. Подобно первой, ее четкий абрис, ее живые контуры вырисовываются за стройным рядом чисел, в которых выражена грандиозная победа советского народа в борьбе за выполнение пятилетки на 48 процентов по сравнению с предвоенным 1940 годом, — будет не только достигнута, но и значительно превзойдена.

Мы разворачиваем земные недра не бомбами, а отрывными молотками. Аммоний служит не для разрушения, а для созиания. Ветры послушно останавливаются на зеленом пороге гигантских лесонасаждений.

На всем великом пространстве Советского Союза стало явью предвидение Ленина:

«Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать единим все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием и отныне никому человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, — разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит откладывать всех сил? И трудающие совершают эту титаническую историческую работу, ибо это неудержимые темпы социалистического действия, неудержимые темпы социалистического преобразования страны — неизменная черта большевистского стиля. На пятнадцать процентов выросла производительность труда работы в промышленности по сравнению с предыдущим годом — добавленный уровень превышен!

Буденов не отступил. Его поддерживала партийная организация. И люди победили! Они не могли не победить. Это была борьба за никель, за орудийную сталь, за победу советского солдата. Старый инженер-проповедник был заменен новым без остановки.

Вспомним 1942 год... Война... Никель лимитировал количество выплавляемой стали... Комбинат «Северникель» был переведен в другое место и пока не работал... «Южуралникель» по целому ряду причин временно не выполнял плана... Инженер Кузнецов упорно ищет путь, который указал бы выход из создавшегося положения. Чтобы было больше никеля, нужно больше электроэнергии. Надо ликвидировать ее потери. И инженер убеждается, что энергия теряется в шинопроводе, который смонтирован давно, — конструкция его устарела. Кузнецов предлагает свою, новую конструкцию.

В повести могло бы быть рассказано о том сопротивлении, которое встретил Кузнецов при осуществлении своего замысла. Не было недостатка в скептиках, в тех, кто не верил новому, в людях, которым мысли, ищащие и живущие, замели один только опыт. Нашлись и тряси, боязнившись отступить от старого (как бы хуже не было!), были и элюзионисты.

Буденов не отступил. Его поддерживала партийная организация. И люди победили! Они не могли не победить. Это была борьба за никель, за орудийную сталь, за победу советского солдата. Старый инженер-проповедник был заменен новым без остановки.

Надо уметь показать нового героя — человека нашего времени, человека, совершающего грандиозные дела, человека несущего размаха, новой коммунистической морали, новых и обширных познаний и интересов. Это — великая задача. Чтобы решить ее, надо многое уметь и многое знать. И прежде всего знать жизнь, знать глубоко и полно, изучать ее неустанны.

Надеем наше литературы, ее близость к действительности будет обусловлена, мне кажется, тем, что участники самой первоначальной литературы должны заняться изучением какой-либо специальности, которой не поддается эта воинственно-смелая группа из-под земли или груды мешков с песком, возвращение любых театров, первой «мирной» продукции прославленных наших заводов, первому троллейбусу... в который, кстати сказать, в первый день его появления на улицах не было попаст, потому что он был наивен детьми. Так и ходил он весь тот день с детьми ребятами, взрослыми на него не покушались... Теперь все это далеко ушло от нас и только вспоминается с улыбкой. Мы не заметим сейчас на Невском ни одного следа блокады, — напротив, вдоль Гостиных, спервающего новой краской, вытесняется эти летом аллеи многолетних листв.

Невский блещет по вечерам миллионы огней, окна его сияют и пскаты писем... утром,

когда пять лет назад в Ленинграде было выбито почти девяносто процентов стекол, то какая кричащая созидались с решетом, и что только по последние три года застеклено восемьсот тысяч квадратных метров окон и более четырех миллионов квадратных метров крыши покрыты новой кровлей. Уже редко где увидите висы стены, исковерканные осколками, и, кажется, на Невском нет уже ни одной бело-синей надписи: «Граждане, при артобстреле эта стальная улица наиболее опасна»... А, кстати, жаль. Песнь тихих налипий следовала, как крик кричащего батареи. Надо погасить ее, чтобы не сорвать, взять их, может быть, под стекло — пусть напоминают прохожим, по какому городу они ходят. Надо также обязательно сбрасывать надпись, сделанную в гранитной полурукаве пишущей машинкой на берегах Невы.

Сейчас, когда памятью о памятниках и скелетами по вечерам миллионы огней, окна его сияют и пскаты писем... утром,

когда пять лет назад в Ленинграде было выбито почти девяносто процентов стекол, то какая кричащая созидались с решетом, и что только по последние три года застеклено восемьсот тысяч квадратных метров окон и более четырех миллионов квадратных метров крыши покрыты новой кровлей. Уже редко где увидите висы стены, исковерканные осколками, и, кажется, на Невском нет уже ни одной бело-синей надписи: «Граждане, при артобстреле эта стальная улица наиболее опасна»... А, кстати, жаль. Песнь тихих налипий следовала, как крик кричащего батареи. Надо погасить ее, чтобы не сорвать, взять их, может быть, под стекло — пусть напоминают прохожим, по какому городу они ходят. Надо также обязательно сбрасывать надпись, сделанную в гранитной полурукаве пишущей машинкой на берегах Невы.

Сейчас, когда памятью о памятниках и скелетами по вечерам миллионы огней, окна его сияют и пскаты писем... утром,

когда пять лет назад в Ленинграде было выбито почти девяносто процентов стекол, то какая кричащая созидались с решетом, и что только по последние три года застеклено восемьсот тысяч квадратных метров окон и более четырех миллионов квадратных метров крыши покрыты новой кровлей. Уже редко где увидите висы стены, исковерканные осколками, и, кажется, на Невском нет уже ни одной бело-синей надписи: «Граждане, при артобстреле эта стальная улица наиболее опасна»... А, кстати, жаль. Песнь тихих налипий следовала, как крик кричащего батареи. Надо погасить ее, чтобы не сорвать, взять их, может быть, под стекло — пусть напоминают прохожим, по какому городу они ходят. Надо также обязательно сбрасывать надпись, сделанную в гранитной полурукаве пишущей машинкой на берегах Невы.

Сейчас, когда памятью о памятниках и скелетами по вечерам миллионы огней, окна его сияют и пскаты писем... утром,

когда пять лет назад в Ленинграде было выбито почти девяносто процентов стекол, то какая кричащая созидались с решетом, и что только по последние три года застеклено восемьсот тысяч квадратных метров окон и более четырех миллионов квадратных метров крыши покрыты новой кровлей. Уже редко где увидите висы стены, исковерканные осколками, и, кажется, на Невском нет уже ни одной бело-синей надписи: «Граждане, при артобстреле эта стальная улица наиболее опасна»... А, кстати, жаль. Песнь тихих налипий следовала, как крик кричащего батареи. Надо погасить ее, чтобы не сорвать, взять их, может быть, под стекло — пусть напоминают прохожим, по какому городу они ходят. Надо также обязательно сбрасывать надпись, сделанную в гранитной полурукаве пишущей машинкой на берегах Невы.

Сейчас, когда памятью о памятниках и скелетами по вечерам миллионы огней, окна его сияют и пскаты писем... утром,

когда пять лет назад в Ленинграде было выбито почти девяносто процентов стекол, то какая кричащая созидались с решетом, и что только по последние три года застеклено восемьсот тысяч квадратных метров окон и более четырех миллионов квадратных метров крыши покрыты новой кровлей. Уже редко где увидите висы стены, исковерканные осколками, и, кажется, на Невском нет уже ни одной бело-синей надписи: «Граждане, при артобстреле эта стальная улица наиболее опасна»... А, кстати, жаль. Песнь тихих налипий следовала, как крик кричащего батареи. Надо погасить ее, чтобы не сорвать, взять их, может быть, под стекло — пусть напоминают прохожим, по какому городу они ходят. Надо также обязательно сбрасывать надпись, сделанную в гранитной полурукаве пишущей машинкой на берегах Невы.

Сейчас, когда памятью о памятниках и скелетами по вечерам миллионы огней, окна его сияют и пскаты писем... утром,

когда пять лет назад в Ленинграде было выбито почти девяносто процентов стекол, то какая кричащая созидались с решетом, и что только по последние три года застеклено восемьсот тысяч квадратных метров окон и более четырех миллионов квадратных метров крыши покрыты новой кровлей. Уже редко где увидите висы стены, исковерканные осколками, и, кажется, на Невском нет уже ни одной бело-синей надписи: «Граждане, при артобстреле эта стальная улица наиболее опасна»... А, кстати, жаль. Песнь тихих налипий следовала, как крик кричащего батареи. Надо погасить ее, чтобы не сорвать, взять их, может быть, под стекло — пусть напоминают прохожим, по какому городу они ходят. Надо также обязательно сбрасывать надпись, сделанную в гранитной полурукаве пишущей машинкой на берегах Невы.

Сейчас, когда памятью о памятниках и скелетами по вечерам миллионы огней, окна его сияют и пскаты писем... утром,

Насущные задачи советского литературоведения

2*. О НАЦИОНАЛЬНОМ ДОСТОЯНИИ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА, ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КОСМОПОЛИТИЗМЕ

Советской исторической наукой собран значительный материал, устанавливающий самобытность и самостоятельность культуры народов Советского Востока.

Данные исследований на территории древних Хорезма и Согдия убедительно доказывают, что культура народов Средней Азии развила в своем материальном багаже, независимо от Ирана, Афганистана, Индии и других стран зарубежного Востока. Особенно красочными в этом отношении многочисленные археологические данные, собранные за последние десять лет и обобщенные в недавно вышедших книгах С. Толстова «Древний Хорезм» и «По следам древнехорезмийской цивилизации».

Археологические материалы, говорящие о глубокой древности и высоком уровне культуры народов Средней Азии, Кавказа и Закавказья, во многом помогают также правильно пониманию истории литературы этих народов. Установлено, например, что именно на территории Советского Востока, повидимому, около двух с половины тысяч лет назад были составлены древнейшие части замечательного литературного памятника — «Авесты».

В нашей первой статье рассказывалось о том, как и в полу арабском владычестве народов Средней Азии и Азербайджана был создан ряд выдающихся памятников художественного слова на своих языках, а также и на арабском языке.

В IX—X веках нашей эры, на почве борьбы народов против арабов-завоевателей, возникла литература на так называемом новоперсидском языке. Как выясняется, эта литература раньше всего и наиболее ярко развила на территории Средней Азии, в Бухаре, Самарканде, Мерее (Маре).

В Средней Азии родились и создавали свои замечательные произведения знаменитый Рудаки, прозванный «Аламом иранских поэтов», ученик, врач и поэт Ибн Сина (Авиценна), писатель и философ Насир-и-Хорс и десятки других прославленных литераторов и ученых. С Средней Азией связано творчество гения мировой литературы Абу-ль-Касима Фердоуси, создатель известной поэмы «Шах-наме».

Товарищ Сталин в 1941 году на приеме работников искусства Таджикистана говорил: «Таджики это народ, чья интелигенция породила великого поэта Фердоуси, и недаром они, таджики, венут от него свою культурные традиции. Вы должны быть чувствовали в период декады (таджикского покоя) в Москве». — Л. Н., что у них, у таджиков, художественное чутье точнее, их древняя культура особый художественный вкус проявляются и в музыке, и в песне, и в танце».

Таким образом, наша Средняя Азия, вопреки утверждению буржуазных учёных, не только не была какой-то глухой «провинции» литературы на персидском языке, но, напротив, представляла один из ее важнейших центров. Новоперсидский язык был литературным языком, на котором в течение длительного времени создавали свои произведения писатели — таджики, узбеки, туркмены. Развитие этого языка во многом обязано народам нашей Средней Азии, и его с полным основанием называют старателем. Созданная народами Средней Азии литература на новоперсидском языке является их неотъемлемым национальным достоянием.

Новоперсидский язык был литературным языком и в Азербайджане. На этом языке создавал свои генеральные произведения великий азербайджанский поэт Низами, на новоперсидском писали Хагани, Бессими, Физули и другие выдающиеся писатели. И естественно, что все сказанное ими на новоперсидском, как и на родном азербайджанском языке, также принадлежит азербайджанскому народу. Потому и памятное празднование 800-летия со дня рождения Низами отмечалось в нашей стране, как торжество литературы азербайджанского народа.

С нашим советским строем, с жизнью советского общества несомненно какая бы то ни была форма национального угнетения, в том числе и в области культуры. Мы не можем быть

* ПЕРВУЮ СТАТЬЮ СМ. № 4 «Л. Г.» ЗА 1949 Г.

Сияющий полдень конца октября. Солнце греет, как летом, но не жжет, не утомляет, воздух свеж, звучит и легок. Широко раскинулись чайные плантации колхоза им. Берия горной селе Дурлениш, в Абхазии. По борозде идет широколечевая, среднего роста девушка. Ялано ее энергично и спокойно, глаза умны и строги. Невольно привлекают внимание ее руки: длинные, гибкие пальцы, широкая, крепкая ладонь — руки пианиста-виртуоза. Этими руками Мария Аризанба собирает со своего стахановского участка девять тонн чайного листа.

Большими, член Верховного Совета Грузинской ССР Мария Аризанба — мастер урожая, смелый новатор. Она изобрела свой метод междуурядной обработки, прополки, формовки, сбора чайного листа. У нее много учеников, по ее методу колхозники со своих стахановских участков собирают уже 7 тонн чайного листа, кто 5, самое меньшее — 4.

А не так давно еще мать Мария Аризанба была покорной рабой. Впервые в марте 1921 года, когда утвердились в Абхазии власти Советов, женщины получили гражданские права. Но и мужчины обманали эти права раньше лишь名义но: любой представитель знали мог безнаказанно убить крестьянку или, ворвавшись к нему, увести со двора последнего вала. Заниматься было невозможно еще и потому, что в силу старых предрассудков у крестьян среди самих крестьян находилась та называемая «родня», которая состояла из молочных братьев. Эти «родни» помогали чинить разбой, пока сюда не становилась жертвой бесчинств «родственника». С неменьшим рвением власть имущие бутили-

никинуло обширное «Введение в историю науки» Сартона, изданное в Балтиморе в 1927—1931 гг.

Мы отмечаем эти издания потому, что выраженные в них взгляды нашли отражение в трудах некоторых советских ученых и привнесли их в крупных ошибкам. Кроме того, эти «справочные» издания до сих пор зачастую пользуются еще и у нас в учебных целях.

А разве не своеобразной формой национального подавления являются попытки лишить народ тех литературных богатств, которые он создал и которые составляют его национальную гордость и богатство? Мы уже отмечали такие попытки в отношении литературы, созданной народами Советского Востока на арабском языке. Это относится и к литературе, созданной ими на новоперсидском и на тюркских языках. Появление таких попыток тожеходит в давнее прошлое.

В средние века новоперсидский язык получил большое распространение в литературе стран Ближнего и Среднего Востока. И еще тогда все, что было написано на персидском языке, — вопросы истине и в интересах великороджавших шахов Ирана, — относилось по одному лишь признаку языка к персидской литературе. С этой целью, например, была фальсифицирована даже биография Низами. При помощи подлога великий азербайджанский поэт выдавался за уроженца не Ганджи (ныне Кировабад, Азербайджанская ССР), а персидского Кума, то есть изображался иранским поэтом. Точно так же, в великороджавших интересах турецкого (османского) султана, к турецкой литературе причислялось все, что где бы то ни было создано на любом из тюркских языках.

В новейшее время хищнические попытки на литературу наследство народов Советского Востока прикрываются такими антинародными «ученениями», как нацизмом, пантизмом и паннационализмом.

Также целями служат родственные этим «ученениям» национальный прагматизм и космополитизм. Империалисты хотят использовать это для сокрытия истинного лица нации (общности языка, территории, экономической жизни и психического склада). — Л. Н.) Т. Бертельса и Е. Дьяконова, утверждающих, что можно найти в двух трудах — названных работе Сартона и книге А. Миллера «Арабская наука и ее роль в развитии мировой науки», выпущенной в Лейдене в 1938 г. на французском языке.

Результатом такого «единства буржуазно-космополитической точки зрения» на лицо.

Проф. Райнов прежде всего «установил», будто никакой научной традиции у народов Средней Азии и в других странах Востока не было и не могло существовать. Ученые стран Востока были якобы некими средневековыми «беснаучными бродягами»: «Наука и ученыe, как правило, пускали корни, где только удавалось». Поэтому Райнов отказывает народам Средней Азии и в наследии культуры по имени создавшего ее народа или страны. Первая половина IX в. как писал Райнов, являлась эпохой «засинавшей расцвета арабской культуры в Средней Азии, в частности — в Узбекистане». И еще оказывается, что в IX—XI вв. Средней Азии «составляла неотъемлемую часть, порою даже как бы параллельный центр арабско-персидской культуры».

Далее, вопреки всем данным, но в углу буржуазного европоцентризма, проф. Райнов утверждает, что изучение материала, накопленного наукой за последние десятилетия, показывает, будто бы «Средняя Азия приобретает значение одной из основных провинций мировой истории», а также, что «более известными провинциями мировой истории» являются Китай, Индия, Месопотамия, Передняя Азия и Египет. (Подчеркнуто везде много.)

Нет нужды доказывать всю вздорность этих «заключений». Каждому напомню, что Советский Восток, включая и школы, известно, что Советский Восток — это национального характера, формировался из поколения в поколение под влиянием условий существования, пришел в конце концов в общности экономической жизни и экономической связности, потому что именно данный народ тогда, а не позже и не раньше, сложился в нацию, создал ли он свое национальное государство и когда, какие факторы истории способствовали или приводили к этому процессу, какую свою культуру внес народ в общую сокровищницу человечества».

Уходя от поставленных «живьем» тем, многие авторы говорят об истории народов Средней Азии лишь «вообще», не пытаясь восстановить конкретную историю каждого из них в отдельности. Даже в таком капитальном труде, как изданный в Ташкенте в 1947 году второй том «Истории народов Узбекистана», включающий и вопросы литературы, по существу, не сделано ничего для воссоздания общей истории и истории литературы узбекского народа. А в книге В. Жирумского и Х. Заирова «Узбекский народный героический эпос», написанной с позиций космополитизма, самобытные явления узбекского эпоса neverno обясняются «карабско-персидскими влияниями» или существованием некой инвазии проникающей «интернациональной мусульманской письменной культуры» — т. е. в духе уже известной нам «Энциклопедии ислама». Об «арабо-персидской культуре и литературе в Средней Азии» говорилось и в переводе Е. Дьяконова — «засинавшей расцвета арабской культуры».

«Энциклопедия» исходит из провокационной мысли о некоем единстве «мусульманского мира», о нивелирующей роли ислама, а отсюда — о признаку языка и религии — о наличии единой культуры и крепких национальности, каждой со своим собственным языком, со своей более или менее устойчивой культурой, со своими племенами и средствами, техническими, научными, философскими, литературными и иными».

Нетрудно видеть, что во всем этом нет ни грана от марксистско-ленинского учения, от идей пролетарского интернационализма. Для марксизма-ленинизма характерно заботливое и тщательное изучение и критическое освещение пестроты, созданной каждым народом, выявление национальных богатств каждого народа, обогащающих мирную культуру. А в том, что сказано Райновым, содержится прямое и отгульное отрицание национальной специфики культуры отдельных народов, пренебрежение их наукой, языком, их национальным достоянием. Подобные «заглядывания» всегда выдвигались на потребу империалист-колонизаторам.

Действительно, в странах Востока, оканчивавшихся в положении колоний и стран, зависимых от империалистов Западной Европы и Америки, до последней времена господствовали феодальные отношения. Но мысли Т. Райнова, выходит, что народы этих стран и до сих пор не имеют своей «настоящей местной», т. е. сущности национальной науки», «собственного языка», «устойчивой культуры, литературы и письма».

Нетрудно видеть, что во всем этом нет ни грана от марксистско-ленинского учения, от идей пролетарского интернационализма. Для марксизма-ленинизма характерно заботливое и тщательное изучение и критическое освещение пестроты, созданной каждым народом, выявление национальных богатств каждого народа, обогащающих мирную культуру. А в том, что сказано Райновым, содержится прямое и отгульное отрицание национальной специфики культуры отдельных народов, пренебрежение их наукой, языком, их национальным достоянием. Подобные «заглядывания» всегда выдвигались на потребу империалист-колонизаторам.

Действительно, в странах Востока, оканчивавшихся в положении колоний и стран, зависимых от империалистов Западной Европы и Америки, до последней времена господствовали феодальные отношения. Но мысли Т. Райнова, выходит, что народы этих стран и до сих пор не имеют своей «настоящей местной», т. е. сущности национальной науки», «собственного языка», «устойчивой культуры, литературы и письма».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

В этом изложении, разумеется, нет и намека на выявление того своеобразного, что создал и внес в мировую культуру тот или другой народ, малый или большой — безразлично. На против, стирая всякой качественной особенности, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

В этом изложении, разумеется, нет и намека на выявление того своеобразного, что создал и внес в мировую культуру тот или другой народ, малый или большой — безразлично. На против, стирая всякой качественной особенности, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского Востока. В то же время народы Советского Востока несли в себе яркую качественную особенность, сущность всего под уровнем повседневности — «главного» — арабского, персидского, турецкого — вот задача «Энциклопедии».

Взгляды, исходящие из родственного космополитизма и паннационализма преобразований, которые произошли в жизни народов Советского

СУД ЛИНЧА НАД ИДЕЯМИ

Истории правосудия известны процессы, которые не остаются и не могут остановить актами только внутргосударственного суда, — процессы, против которых вопреки усилиям и воле их организаторов — восстают сознание совести честных людей всего мира. Таковы были процессы Дрейфуса, Сакко и Ванпетти, дело подожога рейхстага. Таким ныне является начавшийся в Нью-Йорке суд над руководителями коммунистической партии США.

В течение длительного времени велась «идеологическая» подготовка этого процесса. В течение длительного времени шли публичные коммунистические обвинения, бессильные и бесплодные проводившейся кампании лжи раскрылись с общедоступной ясностью. Стало очевидным, что все попытки реакции обвинять руководителей коммунистической партии в подготовке каких-то «подрывных» действий не только абсолютно беспочвенные, но и неминуемо обретены на провал. Руководители компартии «повинны» лишь в том, что они слушают великим идеям коммунизма — идеям, к которым американские власти не испытывают расположения...

Так в Нью-Йорке на глазах у всего мира делается неслыханная и убогая попытка подать идею на скамью подсудимых. Американская конституция не знает законов, карающих нелояльные мысли. Нью-йоркский уголовный кодекс, охватывающий огромный список преступлений, вплоть до «устройства боев между животными», также не предусматривает наказания за мысли, не угодные властям. В таких условиях, ввиду отсутствия «законной базы» для проведения суда над идеями, американскому обвинению потребовалась арэз-закон, на основе которого можно было бы попытаться юридически оформить преследование лидеров компартии. Полным отсутствием подхваченного законодательного материала и исключительным беспытством режиссеров Нью-Йоркского процесса можно объяснить, что этим арэз-законом оказался закон 28 июня 1940 года, принятый уже после начала второй мировой войны для борьбы со всякой рода вражескими поснагательствами на вооруженные силы и государственный строй США.

Напомним: в течение восьми лет и при существовании этого закона коммунистическая партия продолжала свою деятельность, а на девятом году она внезапно оказалась под его ударами. Более того, закон 28 июня 1940 года, изданный со

Анатолий ГИДАШ

Певец венгерского народа

Тридцать лет назад, 27 января 1919 года, умер венгерский поэт, достойный продолжателя дела Шандора Петефи — Эндре Ади.

Сын разорившегося дворянина, Ади родился в 1877 году в деревне Эрмидешт.

Как раз в ту пору, когда юный Эндре Ади вступил на литературное поприще — в начале изящного века, — почва в Венгрии стала вновь накаляться, впервые после революции 1848 года. Были созданы первые массовые организации рабочего класса.

В 1904 году Эндре Ади уезжает в Париж. В те времена прогрессивно-демократические круги Венгрии, к которым принадлежал Ади, часто обращали свои взоры к Франции в надежде обрести там великие революционные традиции. Но при ближайшем знакомстве Запад оказался вовсе не таким «замечательным», как это представлялось поэту, желавшему вырваться из тягостной атмосферы полуфеодальной Венгрии и рассчитывавшему найти пристанище в свободной стране. Ади очень быстро разочаровался в пресловутой западной «демократии». В «Парижских письмах» он решительно разоблачает жизнь и культуру буржуазного Запада. «Родин должен был бы воздвигнуть памятник „Дельгам“». Это были бы страшные потрясения для фигуры. Он мог бы поставить ее напротив своей статьи «Мыслителя», — пишет Ади.

Когда разразилась первая мировая война, Ади решительно выступил против нее. «Пусть те всполна войдут, кто винят в первой выгорнула сделку!», — писал он в ответ на лавину шовинистических стихов, печалявшихся тогда в Венгрии. В 1918 году он выпустил последний сборник стихов — «Впереди мертвцев», в котором вновь бичевал венгерские правящие классы и уже мертваками усами показывал в верности венгерскому народу.

Ади с жаждой присоединился к ветвям о Великой социалистической революции, свершившейся в России. И когда в 1918 году смертельно болезному поэту сообщили, что в Венгрии произошла буржуазно-демократическая революция, он, горяченно махнув рукой, ответил: «Нет, это не то, чего я ждал. Придет еще другая революция, она уже в пути. Настанет красное солнце, взошло уже над Россией. Свет его дойдет и сюда».

Этот свет на самом деле озарил Венгрию в 1919 году, но силы международного капитала, в Ади только обновителя венгерского языка и стихосложения; социальная сторона его поэзии их не интересовала. Эндре Ади не был вполне свободен от формальных влияний западной литературы, но, в противовес остальным венгровам, он обновил венгерскую поэзию элементами литературы народа. Он внес в свое творчество революционные грации венгерской гражданской, политической лирики, и в этом его огромное значение для всей венгерской литературы.

Ади очень быстро понял, что его политические убеждения идут вразрез со стремлениями тех, кто греет о западном капиталистическом «рае». «Я верю и провозглашаю, что для Венгрии революционное обновление неизбежно».

Процесс в Нью-Йорке

Рис. Вар. ЕФИМОВА.

Максим ТАНК

В Эгейском море

Судья Медина, его присяжные заседатели и главный свидетель обвинения.

М. МАРКОВ

ОПАСНЫЕ ВХОДЫ

Во время войны отставной американский адмирал Пратт подвизался в роли военного обозревателя. Он «громил» японские морские эскадры на страницах журнала «Нью-йорк», оценивал силы сторон, выступал с прогнозами. Кончилась война, не кончилась деятельность отставного стратега. На страницах того же «Нью-йорк» он вновь выступает с прогнозами, имея в виду третью мировую войну.

Июня, — пишет Пратт, — должна стать рядом с США в качестве нашего сильного и надежного друга». Почему именно Япония? Для этого «имеется ряд причин, которые можно было бы назвать геополитическими причинами. Где еще удастся найти такой чистый в своем отношении, мужественный и решительный народ, как в Японии? Не в Китае, который сейчас, в действительности, этот суд — признал не сильны, а слабости и растерянности реакции, панегирик растущей мощью демократического движения не только в США, но и во всем мире.

Каковы бы ни были приговоры нью-йоркского суда, — приговор человечества, история не вызывает сомнений: непобедимы бессмертные идеи коммунизма, неущие счастье всему миру!

Это рассуждение, фразеология которого до мелочей напоминает «геополитические аргументы» создателей недоброй памяти фашистской «оси», дает довольно ясное представление о нынешнем политическом курсе США в отношении Японии.

Чем больше экспансионистские круги США убеждаются в банкротстве своей политики в Азии, тем больше их взоры обращаются к Японии, как к «каторге спасения». Восстановите Японию в ее прежней роли жандарма Центрального Бюро, возродите японский милитаризм и японскую военную машину, превратить эту островную страну в цель «специальных авиасоединений», в одну военную, морскую и воздушную базу — таковы цели нынешней политики Вашингтона.

Арие приходил в ужас при мысли о том, что в результате буржуазно-демократической революции будет создано гигантское буржуазное государство того типа, какие он уже видел на Западе в растленности которых убедился, а правые социал-демократы и буржуазные республиканцы хотели именно этого. Арие стремился куда-то дальше, но пути не знал. И это опущение тщика порождало трагические мотивы в его поэзии.

Однако, этот поэт одним из первых в полуфеодальной, полуколониальной Венгрии понял, что трагедия венгерского народа заключается в том, что господствующие классы отставают от пережитков феодализма. Но не только он понял, он осознал и ведущую революционную роль рабочего класса. Поэтому политическая поэзия Эндре Ади стала национальной, национальной поэзией, поэтому и звучали так сильно революционные призыва Ади.

Когда разразилась первая мировая война, Арие решительно выступил против нее. «Пусть те всполна войдут, кто винят в первой выгорнула сделку!», — писал он в ответ на лавину шовинистических стихов, печалявшихся тогда в Венгрии. В 1918 году он выпустил последний сборник стихов — «Впереди мертвцев», в котором вновь бичевал венгерские правящие классы и уже мертваками усами показывал в верности венгерскому народу.

Арие с жаждой присоединился к ветвям о Великой социалистической революции, свершившейся в России. И когда в 1918 году смертельно болезному поэту сообщили, что в Венгрии произошла буржуазно-демократическая революция, он, горяченно махнув рукой, ответил: «Нет, это не то, чего я ждал. Придет еще другая революция, она уже в пути. Настанет красное солнце, взошло уже над Россией. Свет его дойдет и сюда».

Этот свет на самом деле озарил Венгрию в 1919 году, но силы международного капитала, в Ади только обновителя венгерского языка и стихосложения; социальная сторона его поэзии их не интересовала. Эндре Ади не был вполне свободен от формальных влияний западной литературы, но, в

противовес остальным венгровам, он обновил венгерскую поэзию элементами литературы народа.

Он внес в свое творчество революционные грации венгерской гражданской, политической лирики, и в

этом его огромное значение для всей венгерской литературы.

Арие очень быстро понял, что его политические убеждения идут вразрез со стремлениями тех, кто греет о западном капиталистическом «рае». «Я верю и провозглашаю, что для Венгрии революционное обновление неизбежно».

Арие приходил в ужас при мысли о том,

в Японии семена демократии». Какие же ростки дали эти семена?

Чистые государственные, общественные и экономические учреждения и организации страны от ультра-националистических, фашистских элементов, возвещенная штабом Макартура с немальным шумом, превратилась в фарс. Вычищенные реакционные деятели полностью сохранили свою политическую власть и экономические позиции. Так называемый Промышленный клуб в Токио — общепринятое прибежище вычищенных. В его правлении, состоящем из 140 человек, 130 — вычищенные деятели. Когда Япония посетила очередная американская миссия, она совершила не кем иным, как с вычищенным представителем дайбану и монархической бюрократии.

Хотя чистка считается законченной, и уже ликвидированы органы, которые занимались ею, Макартур разрешил недавно японскому правительству учредить специальное бюро по рассмотрению апелляций вычищенных. Военные промышленники, милиаристы, фашистские пропагандисты, реакционные монархические чиновники, закулисные политические «боссы» — все это плены, с точки зрения Макартура, карты, о сохранении которых отработывалось.

Одновременно из тюрьмы освобождаются «ценные кадры», вроде виднейших сотрудников и вдохновителей самураев — мономонистическихмагнатов Люка, Нагакады, Кухара, Искхара, руководителей фашистских организаций, тайных террористических обществ и т. п.

Мало-помалу японцы начинают понимать, что такое демократия по-американски. Штаб Макартура предписал, например, недавно оппозиционным партиям прекратить протесты против политики правительства Нисида. Это — демократия по-турмановски.

Американские «учителя» занялись также созданием в Японии полицейской системы совершенено в духе демократии колониального государства. Разгром японского империализма, осуществляемый при решительном участии Советского Союза, укрепление сил демократии во всем мире оказали на Японию огромное влияние. Для японских демократических сил, в результате сокрушения Соединенных Штатов своих международных обязательств в своем долгу склонившей державы, созданы чрезвычайно тяжелые условия существования.

На эти силы все же не только существуют: они с каждым днем крепнут и все более решительно дают о себе знать. Японская компартия, три года назад вышедшая из подполья, насчитывает уже свыше 100 тысяч членов.

Самые красноречивые свидетельства о том, что Япония — это результат состоявшихся 23 января парламентских выборов. Японская реакция и ее американские покровители сделали все, чтобы обеспечить избрание реакционных парламента, который явился орудием посущенного оружием для осуществления 9 пунктов программы американской оккупации Японии.

Муниципальные власти в сотне одного из зданий города Бирмингема надписи, сделанные червильским агентом, «Мы хотим здесь Черчилля» вызвали бурное возмущение у собравшихся тут же граждан. Возмущение улеглось только тогда, когда неизвестный прохожий прикоснулся к этой надписи стрелку, указывающую на расположение рядом Виттонского кладбища.

КРАСНОРЕЧИВАЯ АРИФМЕТИКА

Муниципальные власти Рима взывают к представителю Батикана, занимающему двойной пост на улице Семи Церквей, арендную плату в сумме... одной лиры в год (для сравнения укажем, что один номер газеты стоит сейчас в Италии 18—20 лир). В то же время римский мунципалитет отказывает в выдаче пособий даже многодетным безработным безработным «виду полного отсутствия средств».

В СССР СССР.

из ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Город Донора — американская душегубка

Было время, когда городок Донора в штате Пенсильвания тонул в зелени и ребята играли на его тенистых улицах, у покрытых сочной травой газонах и цветочных клумб... Но вот нескошко десятилетий над городком постоянно висят свинцовыми облаками ядовитого дыма, от которого вонючие цветы, желтеют и облекают листья только что распустившихся деревьев и — что неизменно страшнее — медленно отвраляются и погибают люди.

Тридцать два года назад неподалеку от Донора был построен огромный цинковый завод «Американский юнайтед кэрбон» филиал мортонской монополии «Юнайтед стайл стил компани». Компания была хорошо известна, что цинковые пары исподвольно ядовиты и требуют особых предохранительных и улавливающих приспособлений. Она была отлична осведомленностью так же, что не только многотысячная армия рабочих завода, но и поголовно все жители города тяжко болеют астмой, хроническим бронхитом, воспалением лёгких.

Но фильтры и газоуловители стоят деревенской, а на место каждого отравленного рабочего можно без труда найти других. И вот в течение тридцати с лишним лет, безжалостно, хладнокровно и систематически умерщвляя людей, хищники из «Американской юнайтед юнайтед кэрбон» не подумали даже об изменении производственного процесса или техники безопасности.

Но так давно выдалась в этом районе особенно тихая, безветренная погода. Облачка дымы оказались небывало густыми и буквально поглотили Донору. Вскоре больницы были переполнены сотнями людей, задыхающихся от страшного удушья. Часть пострадавших погибла.

Таков страшный повседневный быт горожан Донора, превращенного — по милости мортонской монополии в «город-душегубку».

ФАКТЫ

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

СУЩЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ

Английская «Дейли уоркер» сообщает, что появление на стене одного из зданий города Бирмингема надписи, сделанной червильским агентом, «Мы хотим здесь Черчилля» вызвало бурное возмущение у собравшихся тут же граждан. Возмущение улеглось только тогда, когда неизвестный прохожий прикоснулся к этой надписи стрелку, указывающему на расположение рядом Виттонского кладбища.

КРАСНОРЕЧИВАЯ АРИФМЕТИКА

Муниципальные власти Рима взывают к представителю Батикана, занимающему двойной пост на улице Семи Церквей, арендную плату в сумме... одной лиры в год (для сравнения укажем, что один номер газеты стоит сейчас в Италии 18—20 лир). В то же время римский мунципалитет отказывает в выдаче пособий даже многодетным безработным безработным «виду полного отсутствия средств».

В СССР СССР.

Доклад о творчестве Поля Элюара

На днях состоялось заседание актива иностранной комиссии Союза советских писателей СССР, на котором кандидат филологических